
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**Р.С. Выходец, кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет**

Рассмотрены основные исторические периоды и подходы к изучению глобализации, раскрыты предмет и категории современных глобальных исследований, основные идеи и принципы теории глобализации.

Ключевые слова: глобальные исследования, международные отношения, глобализация, цивилизация

TOWARDS A GENERAL THEORY OF GLOBALIZATION

R.S. Vikhodets. Saint-Petersburg state university

The article considers the main historical periods and approaches to the study of globalization, revealed the subject and category of modern global studies, the basic ideas and principles of the theory of globalization.

Keywords: global studies, international relations, globalization, civilization

Глобализация является одним из важнейших и наиболее сложных для осмысления феноменов современного этапа общественного развития. И любое исследование, посвященное социально-политической проблематике, а тем более международным отношениям, будет неполным без учета комплекса факторов, связанных с глобализацией.

В современной литературе не существует общепринятого определения понятия «глобализация» как и не существует единства во мнениях на вопрос о том, когда начался этот процесс, каково его содержание и последствия. Сам термин «глобализация» впервые был употреблен английским ученым Роландом Робертсоном в 1985 г., однако лишь спустя десятилетие он прочно вошел в научный обиход. Сам Робертсон понимал глобализацию достаточно широко – как усиление взаимозависимости национальных экономик и государств мира, а также формирование у индивидов глобального сознания, что способствует превращению мира в единое социокультурное пространство [1]. Такое, достаточно широкое понимание глобализации, не указывающее ни на хронологические рамки, ни на те факторы, на которых основываются «усиление взаимозависимости» и «формирование глобального сознания», впоследствии породило множество подходов и трактовок этого феномена.

В настоящее время в обобщенном виде все многообразие интерпретаций глобализационных процессов можно представить следующим образом.

1. Глобализация – это тенденция к интеграции, имманентно присущая человеческому сообществу и, соответственно, берущая свое начало с момента образования человеческих сообществ. Сторонники данного подхода придерживаются идеи «вечности» глобализации как социального феномена, который зародился и развивался вместе с человеческими сообществами. Так, например, Д. Хэлд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю и Дж. Перратона в своей совместной работе «Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура» размышляя о становлении глобализации как планетарного и общечеловеческого феномена, выделяют *досовременную стадию глобализации*, охватывающую длительный период, который начался примерно 9–11 тыс. лет назад с возникновения изолированных друг

от друга центров оседлой аграрной цивилизации в Евразии, Африке и Америке. В течение нескольких последующих тысячелетий эти и более поздние цивилизации научились распространять свою власть на большие расстояния и вести торговлю с еще более удаленными территориями. Общим признаком этой эпохи является то, что глобализационный процесс во всех его многочисленных формах, носил в то время ограниченный характер, и, хотя во многих сферах деятельности – особенно в транспортных и коммуникационных – возникали существенные социальные и инфраструктурные инновации, возможности для налаживания устойчивых глобальных взаимосвязей были чрезвычайно ограничены низким уровнем развития технологии. Кроме того, это была эпоха, когда для глобализации характерны были, прежде всего, хотя и не исключительно, межрегиональные или межцивилизационные переплетения в пределах Евразии [2].

2. *Глобализация* – это общемировой интеграционный процесс, основанный на технической возможности, обеспечивающей все более тесные контакты между различными культурами, в ходе которых происходит качественное преобразование всех сторон человеческого бытия. В этом случае отсчет глобализационных процессов начинают со времен либо Великих географических открытий, либо изобретения радио и телеграфа, либо появления персональных компьютеров и интернета. Сегодня данный подход является наиболее распространенным. Его приверженцы ведут дискуссии в основном лишь вокруг исторического периода, когда транспорт и средства коммуникации позволили осуществлять социальное взаимодействие в глобальном масштабе. По этому поводу А.Н. Чумаков замечает: «В результате развития и совершенствования культуры, зародившейся с появлением первых людей, на определенном историческом этапе с эпохи неолитической революции возникли и стали совершенствоваться цивилизационные связи, породившие отдельные очаги цивилизации; цивилизационное развитие изначально способствовало унификации общественной жизни и привело к середине второго тысячелетия – а точнее, в эпоху Возрождения и Великих географических открытий – к началу реальной глобализации, которая в последнее столетие переросла в глобализацию многоаспектную, обусловив в свою очередь формирование мирового сообщества и появление во второй половине XX в. глобальных проблем человечества» [3].

Весьма распространена точка зрения на глобализацию как на единый процесс, начавшийся в XIX в. и продолжающийся по сей день, который, однако, был прерван военными и социально-экономическими катаклизмами XX в. Американский исследователь Т. Фридмен отмечает, что с середины первого десятилетия XIX в. до конца 1920-х гг. мир уже переживал эру глобализации, очень похожую на ту, которую мы переживаем теперь. Великобритания, которая тогда была господствующей силой в мире, вкладывала огромные суммы денег в развивающиеся рынки, а бизнесмены в Англии, Европе и Америке часто страдали от финансовых кризисов, вызванными событиями, связанными с аргентинскими железнодорожными ценными бумагами или ценными бумагами немецкого правительства. Эта первая эра глобализации и глобального финансового капитализма была прервана тремя событиями: Первой мировой войной, русской революцией и Великой депрессией, которые раздробили мир как в смысле физическом, так и идеологическом. Формально разделенный мир, возникший после Второй мировой войны, был заморожен в таком состоянии «холодной войной», которая стала также международной системой. С падением Берлинской стены ей на смену пришла другая система – глобализация. Таким образом, автор полагает, что период примерно в 75 лет с начала Первой мировой войны и до окончания «холодной войны» был всего лишь затянувшимся тайм-аутом между первой и второй эрами глобализации [4].

Аналогичной точки зрения придерживаются и многие отечественные исследователи. Например, А.И. Уткин отмечает, что постепенное сближение стран и континентов покрывает всю историю человечества, но революционно быстрыми темпами это сближение осуществлялось лишь дважды. В этой связи Уткин выделяет два этапа глобализации.

Первый этап. На рубеже XIX и XX вв. мир вступил в фазу активного взаимосближения на основе того, что торговля и инвестиции распространились в глобальном масштабе благодаря пароходу, телефону и конвейеру. Основным двигателем глобализационных процессов на этом этапе Уткин считает Британскую империю с ее колоссальным на тот момент морским, индустриальным и финансовым могуществом. Которое и обеспечивало экономически-информационно-коммуникационное сближение наций. Британия выступала гарантом этой первой волны глобализации, осуществляя контроль над главными артериями перевозок товаров – морями и океанами, обеспечивая при помощи фунта стерлингов и Английского банка стабильность международных финансовых расчетов. Первая мировая война остановила этот процесс. Для его возобновления понадобилось около 70 лет. Лишь в последнее десятилетие XX в., после двух мировых войн, Великой депрессии и многочисленных социальных экспериментов, либеральный экономический порядок стал возвращаться в мировую практику. В соревновании с плановой экономикой рыночная система оказалась более жизнеспособна и превратила мир в единую рыночную экономику.

Современный этап. Возрождение глобализации началось в конце 1970-х гг. на основе развития информатики, телекоммуникаций и внедрении цифровых технологий. Все это дало возможность превращению отдельных коммерческих организаций, функционирующих в рамках одной страны, в транснациональные корпорации, которые стали пересекать национальные границы и осуществлять власть над населением менее развитых стран, так как ни одна локальная власть не способна в одиночку справиться с проблемами, порождаемыми растущей взаимозависимостью. Все это сделало очевидным новый характер глобализации. Современный этап глобализации Уткин связывает, в первую очередь, с деятельностью США, которые направили всю свою фактическую мировую гегемонию на процесс открытия мировой экономики: создание многосторонних институтов, активное участие в многосторонних торговых переговорах, открытие собственных рынков для импорта, шаги по реализации торговой либерализации [5].

Не меньшую популярность имеет и взгляд на глобализацию как абсолютно новый феномен, связанный с современным уровнем развития технологий и социальных отношений. Так один из крупнейших социологов современности Э. Гидденс не соглашается с теми авторами, которые считают, что все происходящее – это в лучшем случае повторение общемировой ситуации конца XIX в., когда уже существовала открытая глобальная экономика, широкомасштабная торговля и валютные операции. Объясняя свою мысль, Э. Гидденс подчеркивает, что сегодня уровень международной торговли намного выше, чем когда-либо раньше, и в ней задействован гораздо более широкий набор товаров и услуг. Но главное отличие заключается в интенсивности финансовых потоков и движения капиталов. Сегодняшняя мировая экономика, привязанная к «электронным деньгам» – существующим только в виде цифр на экране компьютера – не имеет аналогов в прошлом. В рамках этой глобальной электронной экономики руководство фондов, банки, корпорации и миллионы индивидуальных инвесторов способны одним щелчком мышки переводить громадные объемы капиталов из одной части света в другую. И эти их действия могут привести к дестабилизации экономики стран, чье положение представлялось абсолютно устойчивым.

Исходя из этого, Э. Гидденс без всяких сомнений утверждает, что глобализация в том виде, в каком мы с ней сталкиваемся, – во многом явление не только новое, но и революционное. Она охватывает не только экономическую, но и политическую, технологическую, культурную сферы. По его мнению, больше всего на глобализацию повлияли события, связанные с развитием систем коммуникаций, которые произошли в конце 1960-х гг. Первый коммерческий спутник был запущен в 1969 г. Теперь на околоземной орбите находятся более 200 таких спутников, и каждый из них передает огромные объемы информации. Впервые в истории стала возможной мгновенная связь между противоположными точками земного шара. В последние годы ускорилось и развитие

других видов электронной связи, все более интегрированной со спутниковыми системами. При этом Гидденс подчеркивает, что мгновенная электронная связь – не просто способ ускоренной передачи информации или новостей. Ее существование меняет саму жизнь человека, неважно, богат он или бедняк. Если внешность Нельсона Манделы нам знакома лучше, чем лицо соседа, живущего напротив, значит, уверен автор, что-то изменилось в самом характере нашей повседневности [6].

В отечественной литературе многие авторы так же трактуют глобализацию как феномен, связанный с научно-технической революцией XX в. Например, М.Г. Делягин определяет глобализацию как процесс формирования и последующего развития единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. Ее суть он связывает с общедоступной возможностью почти мгновенного и почти бесплатного перевода, почти любой суммы денег, между почти любыми точками мира, а также столь же почти мгновенного и бесплатного получения, почти любой информации. Глобальное телевидение, движение спекулятивных капиталов, сметающее и воздвигающее экономики, разгул международного терроризма, грозящего стать эффективным политическим и даже экономическим инструментом, интернет, виртуальная реальность, интерактивность выступают атрибутами и инструментами глобализации. Однако они не должны заслонять влияния новых, сегодня информационных технологий на общество. Делягин утверждает, что новая технология открывает новый этап в развитии человечества лишь тогда, когда качественно меняет общественные отношения. Распространение компьютеров и порожденных ими новых информационных технологий заставило массы людей взаимодействовать друг с другом качественно новыми способами. Именно они объединили развитую часть мира в единую коммуникативную систему, создав единое финансово-информационное пространство, которое автор называет формальным критерием глобализации. Главное в ней – не бум технологических открытий, а изменение самого предмета человеческого труда. Информационные технологии сделали наиболее прибыльным не преобразование окружающей среды, которое до того было основным образом действия человечества, а преобразование живого человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного [7].

3. *Глобализация* – это давление Запада на остальные цивилизации, отсчет которого ведется от зарождения идей европейского модерна и их эволюции до сегодняшнего дня. Или же глобализация трактуется как своего рода «заговор» компрадорской мировой финансовой элиты.

А.С. Панарин трактует глобализацию как вызов промышленно развитых стран всему остальному миру, поэтому главная проблема глобализации связана с тем, что различные страны и народы подошли к новой системе открытого мира, будучи далеко не одинаковыми по своему экономическому, военно-стратегическому и социокультурному потенциалу. Западная культура в недрах техногенной цивилизации обрела колоссальные информационные преимущества по отношению к другим культурам. Потоки социокультурной информации, отражающие культурную память и исторический опыт срединной Евразии, Востока и Юга, не способны противостоять информационному воздействию Запада. Панарин указывает на тесную связь глобализации с идеями европейского модерна, ведущих к формированию единого мирового пространства, основанного на универсалиях прогресса, равнодоступного всем. Качественные различия между эпохой зарождения модерна и современностью кроются в субъективных аспектах. Прежде всего в формировании глобальных интернациональных элит – экономической, политической, интеллектуальной, которые взяли курс на последовательное отстранение от всех местных интересов, норм и традиций. По словам Панарина, быть элитой в эпоху глобализма означает принадлежать к особой наднациональной касте, никак не связанной с местными национальными интересами. Деятельность глобальных элит определяет вектор развития всех международных отношений: по мере нарастания тенденций глобализации

национальные политические и экономические элиты все меньше руководствуются интересами государств и все больше связывают себя решениями нового интернационала [8, 9].

Г.-П. Мартин и Х. Шуманн в своей совместной работе рассматривают современные глобализационные процессы в контексте деятельности глобальной финансово-экономической элиты и влияния последствий этой деятельности на политическую, экономическую и социокультурную сферы человеческой жизни в мировом масштабе. Для характеристики основных тенденций глобализации они описывают встречу ведущих деловых кругов мира, состоявшуюся в сентябре 1995 г. в «Фермонт-отеле» в Сан-Франциско, которая, по их словам, является своего рода иконой, символом легендарной *joie de vivre* (радость жизни). В Фермонте представители экономической элиты оценивали будущее с помощью концепции 20:80 и понятия «титттейнмент». Суть первой состоит в том, что в XXI в. для функционирования экономики будет достаточно 20 % населения. Пятой части всех ищущих работу хватит для производства товаров первой необходимости и предоставления всех дорогостоящих услуг, какие мировое сообщество сможет себе позволить. Именно эти 20 %, в какой бы то ни было стране, будут активно участвовать в жизни общества, зарабатывать и потреблять. К ним можно добавить еще около одного процента тех, кто, например, унаследует большие деньги. Оставшиеся 80 % в новом социальном порядке будут иметь огромные проблемы. Их ряды пополняют десятки миллионов тех людей во всем мире, которых до сих пор было принято относить к среднему классу.

Выражение «титттейнмент» принадлежит Збигневу Бжезинскому – это комбинация из слов «tits» (в англ. языке вульгарное название женской груди) и «entertainment» (развлечение) – призвано ассоциироваться не столько с сексом, сколько с молоком, текущим из груди кормящей матери. Сочетание развлечений, в какой-то мере скрашивающих безрадостное существование и пропитания, достаточного для жизнедеятельности, будет поддерживать отчаявшееся население мира в относительно хорошем расположении духа. Обсуждавшаяся в Фермонте новая модель – это мир 20:80, общество одной пятой, в котором тем, кто окажется за бортом, придется довольствоваться титттейнментом, по мнению Мартина Г.-П. и Шумана Х., этот путь означает для человечества не что иное, как возврат к далекому прошлому [10].

Эти наиболее общие трактовки сущности глобализации, которые приобретают множество оттенков и вариаций в зависимости от используемого подхода и выбора предметной области, формируют достаточно пеструю картину исследовательских инициатив, описывающих глобализацию или ее отдельные аспекты. Это, безусловно, указывает на сложность и многоаспектность феномена глобализации, который требует междисциплинарного подхода к его познанию.

Наверное, на современном этапе развития глобалистики не следует вдаваться в долгие споры, чья точка зрения является единственно верной, слишком молода еще эта область научных исследований и слишком много фактов, порождаемых глобализацией, только ждут своего объяснения.

Но, несмотря на это, большинство исследователей, затрагивающих хронологию глобализации, делают особый акцент на ее современном этапе, связанном с информационной революцией, который, по мнению одних, в значительной степени отличается от предыдущих этапов или, как полагают другие, собственно и является точкой отсчета глобализации.

Какие же коренные преобразования попадают в поле зрения ученых в первую очередь?

1. Современная глобализация вовлекает в себя все слои населения.
2. Выход постиндустриальных технологий за рамки национального государства.
3. Усиление роли наднациональных субъектов: транснациональных корпораций и банков (ТНК, ТНБ), международные организации и т.д.
4. Происходит формирование глобальных интернациональных элит, которые последовательно отстраняются от национальных интересов.

5. В результате развития и всеобщей доступности информационных технологий возникают новые агенты социализации, которые начинают доминировать над традиционными.

6. Информационные технологии качественно меняют общественные отношения, способствуют повышению человеческого потенциала и предоставляют отдельной личности новые социально-экономические возможности.

7. Глобализация дополняется так называемой глокализацией. На фоне глобализации экономической жизни и формирования глобальной культуры, общества и отдельные личности повсеместно все чаще обращаются к своим историко-культурным особенностям, поэтому интеграционные процессы на глобальном уровне дополняются дезинтеграцией, прежде всего, в социокультурной сфере.

Этот список можно было бы продолжить. Однако уже из приведенных тезисов, которые надо сказать разделяют большинство ученых, становится ясно какие проблемы, порождаемые глобализацией, выходят сегодня на первый план. При этом в трактовках этих ключевых вопросов, связанных с глобализацией, также присутствует достаточно широкий спектр зачастую противоречивых мнений, которые условно можно разделить на три направления: гиперглобалисты, трансформисты и скептики [2].

Гиперглобалисты используют преимущественно экономическую логику и рассматривают в качестве свидетельства общественного прогресса возникновение единого мирового рынка и законов глобальной конкуренции. Для них глобализация означает начало новой эпохи человеческой истории, когда традиционные национальные государства становятся внесистемными коммерческими единицами мировой экономики. Гиперглобалисты доказывают, что экономическая глобализация влечет за собой «денационализацию» экономики путем установления транснациональных сетей производства, торговли и финансов. В этой экономике «без границ» национальным правительствам отводится либо роль обслуживания мирового капитала, либо посреднических институтов, обеспечивающих связь между усиливающимися местными, региональными и глобальными механизмами управления. По мнению многих гиперглобалистов, экономическая глобализация порождает новые формы социальной организации, которые постепенно вытеснят национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества.

Внутри этого подхода существует значительное нормативное расхождение между неолибералами, которые приветствуют победу автономии личности и законов рынка над государственной властью, с одной стороны, и радикалами или неомарксистами, для которых современная глобализация означает торжество деспотического глобального капитализма, – с другой. Но, несмотря на идеологические разногласия, приверженцы данного подхода единодушны во мнении, что глобализация представляет собой, прежде всего, экономическое явление. Глобальная экономика все более интегрируется, требования глобального капитала обязывают все правительства соблюдать неолиберальную экономическую дисциплину, так что политика становится способом рационального экономического управления.

Таким образом, возникновение глобальной экономики, зарождение всемирных институтов управления и повсеместное слияние культур гиперглобалисты интерпретируют как неоспоримое доказательство появления абсолютно нового мирового порядка, предвосхищающего конец национального государства. Поскольку национальная экономика все в большей степени становится лишь ответвлением межнациональных и глобальных потоков, полномочия и легитимность национального государства ставятся под вопрос: национальные правительства все менее способны контролировать то, что происходит внутри их собственных границ, или самостоятельно удовлетворять требования своих граждан. По мере того, как институты глобального и местного управления претендуют на все большую роль, суверенитет и автономия государства все заметнее разрушаются. С другой стороны, условия, способствующие межнациональной кооперации народов, расширению глобальных инфраструктур коммуникации и более глубокому осознанию многочисленных

общих интересов, никогда не были столь благоприятны. В связи с этим гиперглобалисты предвидят возникновение в скором будущем «глобального гражданского общества».

Экономическая и политическая власть, с точки зрения гиперглобалистов, денационализируются, и национальные государства становятся чем-то вроде переходной ступенью в организации и управлении экономическими процессами. В целом глобализация трактуется как нечто такое, что означает фундаментальную перестройку структуры общественных взаимодействий. Рассуждения гиперглобалистов о роли и месте национального государства в современном глобализирующемся мире в метафоричной форме подытожил английский социолог Зигмунд Бауман. В одной из своих работ он по этому поводу написал: «В кабаре глобализации государство исполняет стриптиз, и к концу представления на нем остается лишь минимально необходимое: его репрессивные полномочия. Когда его материальная база уничтожена, суверенитет и независимость аннулированы, политический класс стерт с лица земли, национальное государство превращается просто в службу безопасности мегакорпораций» [11].

Трансформисты в основе своей аргументации исходят из убеждения в том, что глобализация – это основная движущая сила, стоящая за бурными социальными, политическими и экономическими переменами, которые преобразуют форму современного общества и мирового порядка. Современные процессы глобализации исторически беспрецедентны. Правительства и общества на всем земном шаре вынуждены адаптироваться к миру, в котором нет больше четкого разделения между внешними и внутренними делами. Для Дж. Розенау, например, рост трансграничных проблем ведет к расширению политического, экономического и социального пространства, на которых разворачиваются современные международные процессы. В этом отношении глобализация рассматривается как мощная трансформирующая сила, ответственная за всестороннее переустройство обществ, экономики, институтов и мирового порядка.

В отличие от гиперглобалистов и скептиков, трансформисты не пытаются предугадать будущий путь развития глобализации. Трансформистский подход придает особое значение глобализации как длительному противоречивому историческому процессу, который в значительной мере сформирован ситуативными факторами. Тем не менее они отмечают беспрецедентность современных образцов глобальных экономических, военных, технологических, экологических, миграционных, политических и культурных потоков.

В политическом плане для трансформистов глобализация связана с новыми моделями глобальной стратификации, в которых одни государства, общества и сообщества все более и более включаются в «глобальный порядок», в то время как другие все более и более оттесняются на второй план. Считается, что новое распределение власти в международных отношениях утверждается по мере того, как деление на Север и Юг стремительно уступает место новому международному разделению труда, при котором иерархическая пирамида «центр – периферия» оказывается уже не географическим, а социальным аспектом мировой экономики. Деление на Север и Юг теперь можно встретить во всех крупных городах.

Современная глобализация перестраивает власть, функции и полномочия национальных правительств. Трансформисты доказывают, что эта власть в той или иной мере сочетается с растущей юрисдикцией институтов международного управления и давлением международного права, а также с проистекающими отсюда обязанностями. Комплексные глобальные системы, от финансовых до экологических, связывают судьбу сообществ в одном регионе с судьбами сообществ в других регионах мира. В таких условиях понятие национального государства как самоуправляемой, автономной единицы становится лишь нормативным требованием, а не практикой международных отношений. Таким образом, глобализация ассоциируется с трансформацией связей между суверенитетом, территориальностью и государственной властью.

Трансформисты утверждают, что новый тип суверенитета заменяет традиционные концепции государственности как абсолютной, неделимой, территориально замкнутой общественной власти. Например, Кохейн полагает, что суверенитет сегодня лучше всего

понимать не столько как территориально ограничивающий барьер, а как переговорный инструмент, необходимый для проведения политики, для которой в наше время характерны сложные межнациональные отношения [12].

По мнению трансформистов, глобализация связана не только с новым типом суверенитета, но также с возникновением полновластных нетерриториальных форм экономической и политической организации в глобальной сфере, таких как многонациональные корпорации, транснациональные общественные движения, интернациональные органы регулирования и т.д.

В этом смысле, как справедливо замечает Розенау, мировой порядок не может более восприниматься как вращающийся только вокруг государств или даже как в первую очередь управляемый государством, поскольку власть все более и более распределяется между общественными и частными органами на местных, национальных, региональных и глобальных уровнях. Национальные государства не являются отныне единственными центрами или главными формами правления или органами власти в мире [13].

В условиях меняющегося глобального порядка формы и функции государства должны адаптироваться к нему, а правительства находить соответствующие стратегии для налаживания связи с глобализирующимся миром. Соответственно, трансформисты утверждают, что власть национальных правительств не обязательно уменьшается в результате процесса глобализации, напротив, власть трансформируется, приспосабливаясь к возрастающей сложности процессов управления в мире.

Скептики на основе статистических данных о мировых потоках товаров, инвестиций и рабочей силы начиная с XIX в. приходят к выводу, что современный уровень экономической взаимозависимости не является беспрецедентным в истории. Они доказывают, что беспрецедентный уровень взаимозависимости в современном мире, отождествляемый с глобализацией, – это миф. Следует заметить, что скептики опираются исключительно на экономическое представление о глобализации, согласно которому она приравнивается в первую очередь к совершенно интегрированному мировому рынку. По их мнению, достигнутый ныне уровень экономической интеграции ниже по сравнению с тем, что был в конце XIX в. На этой основе скептики делают вывод, что степень современной глобализации слишком преувеличена. По этой причине они считают систему аргументов гиперглобалистов несостоятельной и политически наивной, поскольку она недооценивает способность национальных правительств регулировать международную экономическую деятельность. Вне контроля со стороны национальных правительств, обеспечивающих экономическую либерализацию, эта деятельность была бы менее активной.

Еще в конце 90-х гг. скептики утверждали, что если текущие события о чем-то и свидетельствуют, так только о том, что экономическая активность подвергается значительной «регионализации» по мере того, как мировая экономика все больше сосредоточивается в рамках трех основных финансовых и торговых блоков, таких как Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион и Северная Америка. Поэтому по сравнению с концом XIX в. сейчас мировая экономика гораздо менее интегрирована и по своему географическому охвату значительно менее глобальна [14, 15].

Скептики, кроме того, не разделяют мнения о том, что глобализация предвосхищает возникновение нового мирового порядка, при котором государство будет играть более скромную роль. Они далеки от того, чтобы считать национальные правительства скованными требованиями международного права, и указывают на их растущую роль в регуляции и активном содействии экономической активности, пересекающей границы отдельных государств. При этом национальным правительствам отводится роль главных архитекторов глобализационных процессов. Несмотря на различия в акцентах, скептики едины во мнении, что, какими бы ни были направляющие силы глобализации, она не сопровождается ликвидацией неравенства между Севером и Югом. Напротив, по мере того как торговые и инвестиционные потоки на богатом Севере усиливаются, исключая большую часть остального земного шара, наблюдается рост экономической маргинализации

многих государств «третьего мира». Сохраняющиеся неравенство и жесткая иерархия в мировой экономике способствуют развитию фундаментализма и агрессивного национализма, что, в свою очередь, разделяет мир на цивилизационные блоки, культурные и этнические анклавы. Таким образом, представления о культурной гомогенизации и глобальной культуре являются мифами.

Увеличение глобального неравенства, реальная политика в области международных отношений и межцивилизационный конфликт опровергают модель «глобального управления», поскольку управление мировым порядком, как это сложилось еще в XIX в., остается, главным образом, в руках западных государств. В этом контексте скептики, как правило, понимают под глобальным управлением и экономической глобализацией преимущественно западные проекты.

При сопоставлении различных подходов и точек зрения на глобализацию отчетливо проявляются три, переплетающихся между собой, процесса, которые оказывают существенное влияние на современные международные отношения. К ним относятся, во-первых, изменения, происходящие в формах и характере общественных отношений на различных уровнях, во-вторых, трансформация национально-государственного суверенитета, и, в-третьих, глубокие перемены в социокультурном взаимодействии.

В условиях, когда отчетливо проявляются субъективные стороны глобализации, выражающиеся в том, что зачастую мировые процессы выстраиваются и направляются в соответствии с национальными интересами развитых стран Запада либо определенных кругов внутри них, что дает повод многим исследователям говорить о цивилизационной заданности глобализации и цивилизационном давлении. Если обратиться к теоретическим дискуссиям конца 90-х – начала 2000-х гг., то в это время большой популярностью пользовалось словосочетание «глобализация по-американски», призванное описать субъективную логику развития мировых глобализационных процессов и подчинения их цивилизационным стандартам США и шире – Запада. Так И.Ф. Кефели по этому поводу замечает следующее: «...в открытой форме выражаются притязания Запада навязать всем остальным цивилизациям (российской, китайской, арабо-мусульманской и др.) свой культурно-исторический тип, базирующийся якобы на полюсе «свободы, мира и справедливости». На самом деле глобализация по-американски реализует геополитику подчинения США экономической, политической, социокультурной и духовной сфер общественной жизни иных цивилизаций» [16]. Таким трактовкам глобализации способствовали многочисленные факты международной социально-политической практики, многие из которых не утратили своей актуальности и по сей день. В экономической сфере по-прежнему сохраняется проблема управления международными институтами, которые являются главными регуляторами мировой экономики. Доминирующую роль в деятельности МВФ, Всемирного банка и ВТО играют коммерческие и финансовые круги богатейших промышленно развитых стран. В то время как почти вся деятельность МВФ и Всемирного банка сосредоточена сегодня на развивающихся странах, их руководство состоит из представителей развитых стран. По традиции главой МВФ всегда является европеец, а Всемирного банка – американец. Их выбирают за закрытыми дверями, и еще не было случая, чтобы от такого главы требовался опыт работы в развивающемся мире. Институты не являются представительными с точки зрения наций, которым они служат.

Возникает также проблема, кто говорит от имени страны. В МВФ это министры финансов и управляющие центральными банками. В ВТО это министры торговли. Каждый из этих министров тесно связан с определенными группировками внутри своей страны. Министры торговли отражают интересы делового сообщества – как экспортеров, которые хотят видеть открытие новых рынков для своей продукции, так и товаропроизводителей, которые конкурируют с новыми импортными поступлениями. Все они посредством своих представителей в международных организациях преследуют свои корпоративные интересы. Министры финансов и управляющие центральными банками обычно тесно связаны с финансовым сообществом: они приходят из финансовых фирм и после пребывания

на государственной службе уходят туда же. Эти люди видят мир глазами финансового сообщества. И вполне естественно, что решения любого международного института отражают планы и интересы тех, кто их принимает. Политика международных экономических институтов слишком часто бывает связана с коммерческими и финансовыми интересами определенных кругов в развитых промышленных странах [17]. Во многом именно в силу этих причин лидеры стран БРИКС на VI Саммите, проходившем 15–16 июля 2014 г. в Бразилии, подписали соглашение об учреждении Нового банка развития и обсудили вопросы его организации. Так было решено, что капитал организации будет создаваться на паритетных началах. The New Development Bank будет иметь первоначальный разрешенный капитал размером 100 млрд долларов США. Первым президентом Нового банка развития станет представитель Индии, первым председателем совета управляющих – представитель России, первым председателем совета директоров – представитель Бразилии. Также в профессиональный состав организации войдут по 10 сотрудников из национальных банков стран БРИКС. Штаб-квартира The New Development Bank разместится в Шанхае, а региональный центр организации – в Южной Африке. Целью деятельности финансового учреждения БРИКС является финансирование проектов, направленных на поддержание развития и прогресса в этих странах, а также он должен будет подорвать монополию МВФ и Всемирного банка в мировой экономике.

Политические процессы на глобальном и национальном уровне в существенной мере определяются структурой глобальной экономики. Демократическая система, распространившаяся практически повсеместно, функционирует таким образом, что формирование властной элиты происходит при участии частного или корпоративного капитала. Разумеется, взаимозависимый мир предлагает бизнесу новые возможности для развития за пределами своей страны. ТНК при освоении иностранных рынков опираются на финансируемые ими властные элиты национальных государств. Большинство развивающихся экономик сегодня ведут борьбу за иностранные инвестиции, формируя наиболее выгодные условия для иностранных компаний внутри собственного государства. Разумеется, это приводит к тому, что политическая сфера в некоторой степени становится определяемой правилами игры глобальной экономики. Как справедливо замечает немецкий социолог У. Бек «Политическое вырывается за традиционные категориальные рамки национального государства, политические последствия, вызванные к жизни действием экономических механизмов, выражаются в открытии политическому вмешательству и контролю институтов индустриального общества, которые традиционно имели от этого независимость. Политизация, которую вызывает глобализация, заключается в способности предпринимателей и их объединений отвоевать у демократически организованного капитализма свободу действий, ранее сдерживаемую силами социального государства» [18].

Современная глобальная экономика жестко требует от национальных элит создание благоприятных политических условий для зарубежных инвесторов. Они были наиболее полно представлены еще в 1989 г. главным экономистом Всемирного банка Джоном Вильямсоном. Это он назвал протокол, принятый на встрече Большой семерки в Вашингтоне, «Вашингтонским консенсусом». В этом смысле, механизмы международной финансовой помощи, требующей соблюдения неолиберальных моделей в экономике, напрямую связаны с отношениями власти и управления.

Субъективное содержание глобализационных процессов в сфере политики обретает свои видимые очертания в процессах унификации и стандартизации политических систем и процессов. По этому поводу С.В. Мартныненко замечает: «Политическая логика глобализации определяет необходимость выработки и распространения общих стандартов в деятельности национальных государств, обеспечивающих возможности их адекватного коммутирования. С этой точки зрения демократизацию можно рассматривать как глобальный политический проект, направленный на понимание, а, следовательно, и на предотвращение распространения негативных последствий, обусловленных стремлением отдельных

политических сил закрепить за собой монопольные права и привилегированное положение в ущерб глобальным интересам социального развития» [19].

Продолжительное доминирование стран Запада в мировой экономике и политике в условиях современной формирующейся многополярности приводит к напряженности в международных отношениях. Это проявилось в военном вторжении коалиции западных стран в Ливию, масштабном давлении на Сирию и Иран, расширении НАТО на восток, что создает явные угрозы национальной безопасности России. В 2008 г. этот процесс привел к спланированной провокации Грузии против Абхазии и Южной Осетии, в ответ на это Россия была вынуждена провести локальную военную операцию «по принуждению Грузии к миру». Следующей целью в 2014 году стала Украина, которую Запад стремится сорвать с орбиты геополитического влияния России, тем самым, оттеснив ее в глубь Евразии. Начатая США и ЕС против России санкционная война, наносящая серьезный ущерб, в том числе экономикам многих Европейских стран, создает напряженность всей системы международных отношений. При этом риторика большинства западных политиков апеллирует к цивилизационному противопоставлению прогресса, современности и демократии в лице западных стран и традиционализма, жесткости и авторитаризма, ассоциируемых с Россией.

Проявление субъективных сторон глобализации особенно очевидно в социокультурной сфере. Сегодня все отчетливее проявляется глобальная культура, и она по своему происхождению и содержанию, безусловно, американская. Зарождающаяся глобальная культура имеет средства распространения, рассчитанные как на представителей элиты, так и на широкие слои населения. Возможно, самым важным средством для элиты является то, что Сэмюэль Хантингтон удачно окрестил давосской культурой (по названию швейцарского горного курорта, где ежегодно происходят экономические консультации на высшем уровне) – международной культурой ведущих деловых и политических кругов мира. Ее основной двигатель, международный бизнес, – тот же самый двигатель, который управляет экономической и технологической глобализацией. Но было бы ошибкой думать, что это культура только тех немногих, кого приглашают в Давос; есть еще миллионы таких, кто хотел бы быть туда приглашенными и кто находится в том состоянии, которое у социологов принято называть упреждающей социализацией.

Существует и еще один элитный сектор зарождающейся глобальной культуры, иногда сливающийся с деловой культурой, иногда вступающий с нею в напряженные отношения. Это глобализация западной интеллигенции. Распространяется она разными средствами: академическими структурами, фондами, неправительственными организациями, некоторыми правительственными и межправительственными учреждениями. Она тоже ищет и активно создает рынки по всему миру, но ее продукция совсем не та, что предлагают транснациональные корпорации: это идеи и правила поведения, такие как учение о правах человека, концепции феминизма, защиты окружающей среды и мультикультурализма, а также представления о политике и образе жизни, в которых воплощаются эти идеологические построения. Однако формирование так называемой «глобальной культуры» на уровне элит не так заметно. Гораздо более наглядно глобальная культура проявляется на уровне масс, чаще всего этот вид глобальной культуры именуется «массовой культурой» или «поп-культурой». Она тиражируется коммерческими предприятиями всех видов (такие, как Adidas, McDonald's, Disney, MTV и т.п.). Хотя контроль над этими предприятиями осуществляется элитами, массовая культура проникает в широкие слои населения во всем мире [20].

Эти и другие многочисленные примеры проявления субъективного цивилизационного содержания глобализации способствуют тому, что все больше исследователей стремятся к четкому разделению понятий «глобализация» и «глобализм», последнее как раз и призвано подчеркнуть субъективный характер глобализации. Как справедливо замечает А. Неклесса: «Лишь с недавних пор стало осмысляться различие между глобализацией как тенденцией, определяемой мощью цивилизации, её способностью эффективно проецировать себя в планетарном масштабе, и глобализмом как определённым цивилизационным стандартом,

мировоззрением, имеющим свои теневые стороны и порождающим собственную антитезу – идеологию и движение антиглобализма» [21].

Под глобализацией большинство исследователей понимают объективный процесс усиления взаимозависимости между различными сферами человеческой деятельности: экономической, политической, социокультурной и др., основанный на различных факторах, описанных выше. Понятие «глобализм» призвано подчеркнуть субъективные стороны глобализации, отождествляемые с определенной идеологией или же шире – с частными моделями развития, которые посредством глобализации распространяются на остальные общества и государства, обретая общемировой характер. В данном контексте У. Бек отмечает: «глобализмом я называю понимание того, что мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность, для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма» [18].

Итак, подведя краткий итог, можно отметить, что в современных глобальных исследованиях не существует единого и общепринятого определения глобализации, основной причиной этому служит сложность и многоаспектность современных мировых процессов. Поэтому при использовании термина «глобализация» необходимо четко определиться с тем содержанием, которое в него вкладывается. Будем исходить из того, что глобализация – это современный феномен, связанный с высоким уровнем развития технологий, обеспечивающих возможность интеграции социальных систем в планетарном масштабе. Как уже отмечалось, такую точку зрения разделяют далеко не все исследователи. Поэтому следует дать несколько коротких пояснений. В глобалистике различают понятия «глобальные процессы» и «глобализационные процессы». Глобальные процессы – это процессы, распространяющиеся на весь земной шар, и имеющие естественное, природное происхождение. К ним относятся процессы, протекающие в атмосфере и литосфере, океанские течения, круговороты различных химических элементов и т.д. Глобализационные процессы имеют антропогенное происхождение. В этой связи датировать первый глобализационный процесс достаточно просто. 1522 г. – окончание первого доподлинно известного кругосветного путешествия Фернана Магеллана. Некоторые исследователи усматривают первые глобализационные процессы в событиях более раннего времени. Например, распространение микролитов в эпоху Мезолита, образцы которых археологи находят по всему миру или условно повсеместный переход к земледелию и скотоводству во времена неолитической революции. Можно долго спорить о масштабах, временных рамках и последствиях, но так или иначе глобализационные процессы связаны с деятельностью человека. Таким образом, понятием «глобализационный процесс» можно охарактеризовать общемировые процессы, как проистекающие в экономике, политике, культуре современного общества, так и имевшие место в прошлом. В этой связи эвристическое значение термина «глобализация» в трактовках, отсылающих к событиям далекого прошлого, выглядит весьма сомнительным. По этому поводу В.П. Бранский заметил: «Глобализация – это интеграция особого рода, какой не было в мировой истории до последней четверти XX века... Интеграционные процессы прошлого: политическая интеграция (империя Александра Македонского или Римская империя); экономическая (Ганзейский союз в XI–XVII вв.) социокультурная (духовное объединение Западной Европы под властью римского папы в XI–XIV вв.) от современной глобализации отличаются тем, что они либо вообще не были связаны друг с другом, либо были слабо связаны, протекали независимо друг от друга; не вовлекали в свой поток все слои населения, и не распространялись на весь земной шар. Основной причиной этому выступали как неразвитость средств коммуникации, так и многочисленные препятствия самого разного характера» [22].

При использовании понятия «глобализация» для описания современных процессов основной акцент делается на системности, их внутренней взаимосвязи и беспрецедентных по масштабу социальных изменениях, вызванных новым уровнем интеграции и развитием информационных технологий.

Именно поэтому следует согласиться с теми исследователями, которые понимают под глобализацией начавшийся во второй половине XX в. процесс усиления глобальной зависимости, основанный на научно-техническом прогрессе, развитии информационных технологий, средств связи и транспорта. Глобальность имеет два аспекта: во-первых, глобализация носит общемировой характер и затрагивает все субъекты международных отношений; во-вторых, происходит коренное преобразование основных сфер общественной жизни: экономической, политической, идеологической и социокультурной.

Глобализм – специфическая форма глобализационных процессов, характеризующая их цивилизационное содержание на определенном этапе истории.

Глобализация предстает как объективный процесс, в ходе которого осуществляется возможность тесных контактов и выстраивания сложной системы связей между государствами и культурами. При этом в условиях глобализации государства обладают возможностью транслировать свои цивилизационные модели развития в экономической, политической, социокультурной и идеологической сферах на другие культуры и социальные общности. Когда же транслируемые модели воспринимаются другими народами, формируется субъективное цивилизационное содержание глобализации (глобализм) и задается единый вектор общечеловеческого развития, что оказывает существенное влияние на форму и характер международных отношений.

Литература

1. Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // *Theory, Culture & Society*. 1985. № 3. P. 47–63.
2. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.]. М., 2004. С. 489–493.
3. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. М., 2009. С. 13.
4. Фридмен Т. Lexus и олива. Понимая глобализацию. СПб., 2003. С. 10–20.
5. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С. 8–37.
6. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 23–36.
7. Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М., 2008. С. 35–39.
8. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 88–89.
9. Панарин А.С. Испытание глобализмом. М., 2003. С. 31–54.
10. Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 17–30.
11. Bauman Z. *Modernity and The Holocaust*. Ithaca, N.-Y.: Cornell University Press, 2000. P. 238.
12. Hobbes dilemma and institutional change in world politics: sovereignty in international society, in H.H. Holm and G. Sorensen (eds), *Whose World Order?*, Boulder: West-view Press, 1995.
13. Rosenau J. *Along the Dometic-Foreign Frontier*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
14. Ruigrok W., Tulder R. *The Logic of International Restructuring*. London: Routledge, 1995.
15. Hirst P., Thompson G. *Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*. Cambridge: Polity Press, 1996.
16. Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2004. С. 63.
17. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 21–42.
18. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 11–23.
19. Мартыненко С.В. Политическая глобализация и открытая система социального страхования: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2012. С. 29.
20. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергер, С. Хантингтон: пер. с англ. В.В. Сапова. М., 2004. С. 10–12.
21. Неклесса А.И. Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. М., 2002. С. 325.
22. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб., 2004. С. 8–9.

